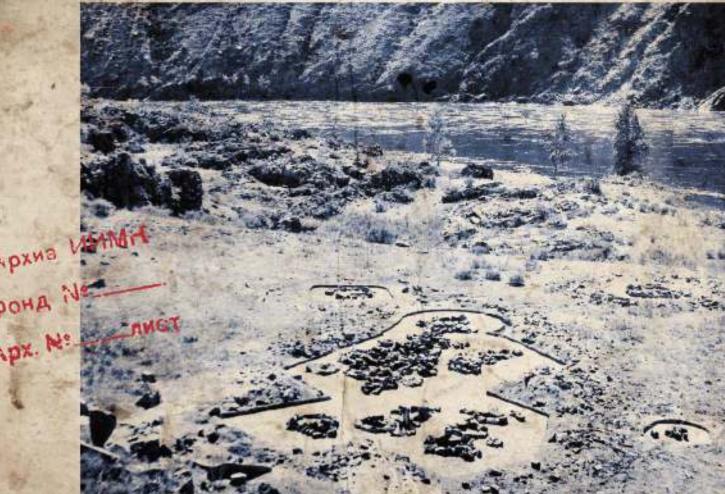

ПАМЯТНИКИ **АРХЕОЛОГИИ** В ИССЛЕДОВАНИЯХ и фотографиях

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

Утверждено к печати Ученым советом

том Approved for printing by the Scientific Council

ИИМК РАН

of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия: М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),

Н. А. Лазаревская (отв. секретарь), Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,

V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

Reviewers:

Editorial Board:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. — 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. — Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. — 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946—2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

[©] Институт истории материальной культуры PAH, 2018 Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

[©] Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018 Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

Содержание

Списон	к опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	. 9
Биогра	афия Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. С	С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	
ЧАСТЬ І. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской		30
	Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие	30
	С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам	35
	Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью	38
	Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея	. 41
	С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской	45
	А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской	. 47
	Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла	. 51
	А. О. Машезерская. Архив возможных отношений	56
	А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО	58
	Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции	63
ЧАСТЬ	II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
	Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)	69
	К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников	79
	<i>М. Е. Килуновская.</i> Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы	86
	А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганных могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода	96
	М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага	104
	М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии	113
	С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)	117
	В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы	120
	С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины	128
	С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника	132
	<i>Т. Р. Садыков</i> . Новые данные о городище кокэльской культуры Катылыг 5 в Туве	140
	П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве	145

	Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы	149
	Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской	156
	В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)	163
	В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента	168
	А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль	178
ЧАСТЬ	III. История науки в документах и фотографиях	185
	И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии	185
	Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроект книгопродавца Карла Рикерра	194
	<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина</i> . «Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу	200
	Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири	205
	<i>Е. Ю. Захарова.</i> Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле	212
	В. А. Алёкшин. Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901—1905)	219
	Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву	227
	А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге	240
	<i>Н. Д. Моисеева</i> . Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма	264
	В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)	270
	С. В. Белецкий. Неизвестные фотографии Пскова 1946 года	280
	Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920—1930-е годы)	285
	0. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917—1921 гг.)	294
	В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776—1783 гг.	300
	В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.	303
	А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)	313
н. ю.	Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам Послесловие редактора	318
Списо	к сокращений	322

Contents

List	of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (L. M. Vseviov, M. V. Medvedeva)	9
Biog	graphy by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
s. I.	Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya		30
	E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). Scientific research activities and the documentary heritage	30
	S. N. Astakhov. Per aspera ad astra	35
	B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude	38
	Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey	41
	S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya	45
	A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya	47
	L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate	51
	A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations	56
	A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO	58
	D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey	63
PAR	T II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
	D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)	69
	K.V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period	79
	M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva	86
	A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period	96
	M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga	104
	M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia	113
	S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)	117
	V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva	120
	S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression	. 128
	S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery	. 132
	T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva	. 140
	P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva	. 145

B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva	149
G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya	156
V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building andlocalization of Uigur fortresses)	163
V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent	168
A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology	185
E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker	194
M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "I happened to meet many persons of different faiths and nations". A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz	200
L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia	205
E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland	212
V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)	219
N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev	227
A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Suprasl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg	240
N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards	
V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)	270
S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946	280
N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)	285
O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)	294
V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstkammer. 1776–1783	300
V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s	303
A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)

Ключевые слова: оборонительные сооружения, Пор-Бажын, Омайтура, орнаментированные сосуды, Уйгурский каганат.

Keywords: defensive installations, Omaytura, decorated pottery, Por-Bazhyn, Uigur Khaganate.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-163-167

В этой статье речь пойдет о двух весьма близких по форме и орнаментации сосудах, обнаруженных при раскопках фортификационных сооружений в двух «крепостях» — Пор-Бажын и Омайтура. Очевидное сходство обоих сосудов не вызывает сомнений и предполагает, что их изготовление и использование, скорее всего, соотносятся с одной и той же группой древнего населения, для которого форма и, особенно, орнаментация этого типа горшковидной посуды имели какое-то значение. На возможный ареал орнамента, украшающего сосуд из «крепости» Омайтура, совершенно справедливо указала Г. В. Длужневская (Длужневская, 1989), привлекая в качестве аналогии орнаментированный фрагмент керамики, обнаруженный в процессе сборов на поверхности городища Орду-балык (Карабалгасун), отождествляемого со столицей Уйгурского каганата (Худяков, Цевэндорж, 1982. Рис. 4, 1). Намеченную линию уйгурских аналогий подтверждает и фрагмент керамики с таким же орнаментом, найденный при раскопках городища Шагонар III, также относимого к этому периоду (Кызласов, 1969. Рис. 111, 5). Обнаружение полностью реконструируемых сосудов и фрагментов керамики с аналогичными элементами орнамента на территории Тувы и Монголии и отсутствие их в Минусинской котловине позволяет соотносить такую керамику с уйгурскими памятниками.

Следует отметить, что при наблюдающемся близком сходстве элементов орнамента на пор-бажынском и омайтуринском сосудах заметны и незначительные отличия, которые вряд ли могут повлиять на определение его культурной принадлежности. Пор-бажынский сосуд (рис. 1) изготовлен ручной лепкой, возможно ленточным способом, с подправкой венчика на круге или подставке. Обжиг неравномерный: поверхность снаружи красно-коричневого цвета с серыми пятнами,

1 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: vladza77@gmail.com.

внутри — темно-серая; черепок в изломе красно-коричневого и серого цвета. В тесте черепка примеси растительности, песка, крупной и мелкой дресвы, слюды, выступающей на поверхность. Черепок рыхлый, стенки заглажены небрежно. Венчик округлый, отогнут наружу, слабо профилирован с небольшим уступом под ним. Ниже плечика тулово сосуда орнаментировано широкой полосой, обозначенной сверху и снизу прочерченными остроконечным инструментом линиями. Внутри полосы тем же инструментом нанесен основной элемент орнамента в виде вертикальных [-образных штрихов со слегка загнутыми концами, расположенными в ряд через примерно выдержанный интервал 2-3 см. По вертикали внутри полосы нанесено четыре ряда Г-образных штрихов. В двух верхних рядах проявилось стремление мастера расположить штрихи один под другим, но в третьем и четвертом нижерасположенных рядах уже наблюдаются смещения, особенно заметные в размещении штрихов четвертого ряда, которые верхними окончаниями заходят в третий ряд, располагаясь между его штрихами.

Орнамент в виде \int -образных штрихов на омайтуринском сосуде (рис. 2, 1) располагается в два ряда, каждый из которых ограничен сверху и снизу прочерченной по кругу тулова линией. В нижнем, втором ряду \int -образные штрихи также нанесены через интервал примерно в 2 см, но со сдвигом так, что оказываются не под штрихами верхнего ряда, а под разделяющим их пространством. Несмотря на эти отличия, необходимость нанесения самого главного, значащего элемента орнамента — \int -образных штрихов на порбажынском и омайтуринском сосудах — не подлежит сомнению. Это подтверждается и находками на городищах Шагонар III и Орду-балык, указывая на широкий ареал украшенных таким образом сосудов в границах уйгурского каганата.

Целесообразно также остановиться на культурно-хронологических аспектах, связанных со стратиграфиче-

Рис. 1. «Крепость» Пор-Бажын. Орнаментированный сосуд, обнаруженный у подножия северного пандуса.

Fig. 1. The 'fortress' of Por-Bazhyn. Decorated vessel found near the foot of the northern ramp.

ским расположением обоих сосудов на памятниках. Фрагменты пор-бажынского сосуда лежали компактной группой в слое строительных отложений у подножия северного пандуса, предназначенного для подъема к надвратной постройке и привратному северному бастиону городища². Возведение, частичное восстановление и оставление городища, согласно полученным данным при раскопках 2007-2008 гг., произошло в достаточно короткий промежуток времени (Arzhantseva et al., 2011). Более определенные и конкретные даты для начала строительства «крепости» Пор-Бажын предложил известный тюрколог С. Г. Кляшторный, сопоставив сведения рунических надписей Тесинской и Терхинской стел, а также стелы Могойн Шине-Усу с перечнем деяний Элетмиш-Бильге кагана, среди которых упоминания о его победе над чиками, приказ учредить ставку в Косар-Кордане и воздвигнуть там крепость. Эти события, согласно надписи на стеле из Могойн Шине-Усу, могли происходить

«В год Тигра (750 г.)...». Более того, в терхинской надписи дополнительно сообщается, что каган провел в западной ставке и второе лето в год Змеи (753 г.). Еще один сезон на заповедной территории (куруге) мог провести его сын и наследник Бёгю-каган еще до своей интронизации, о чем сообщается в тесинской надписи (Кляшторный, 1987. С. 31, 33). Если полностью принять весьма аргументированную идентификацию (в том числе и географическую) Косар-куруга и Пор-Бажына, которую отстаивает С. Г. Кляшторный, то в нашем распоряжении оказывается короткий временной интервал между 750 и 753 гг., а также предполагаемой датой интронизации Бёгю-кагана в 761–762 гг. (Кляшторный, 1987. С. 31; 2012. С. 94–98).

Фрагменты сосуда, украшенного «уйгурским» орнаментом, в «крепости» Омайтура лежали в отложениях, уверенно отнесенных Г. В. Длужневской ко второму этапу строительства и использования вала в Саянском каньоне, что вызывает закономерный вопрос об этнокультурном составе населения, возводившего и реконструировавшего оборонительные сооружения крепости.

² Публикация результатов исследования оборонительных сооружений крепости Пор-Бажын готовится автором к печати.

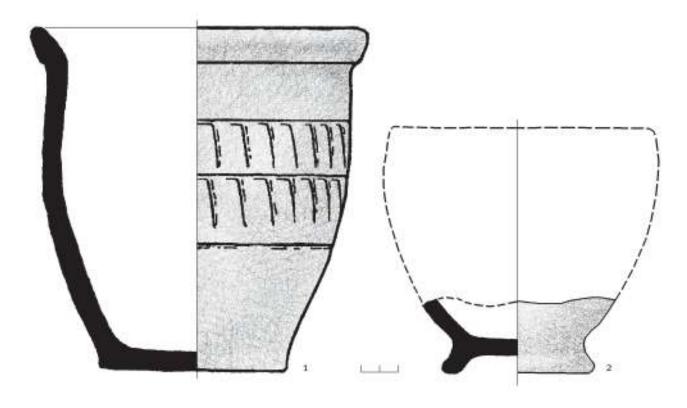

Рис. 2. Сосуды из «крепости» Омайтура: 1 — орнаментированный сосуд, относящийся ко второму этапу существования оборонительной стены; 2 — фрагмент поддона из рва, относящегося к первому этапу существования оборонительной стены.

Fig. 2. Pottery from the 'fortress' of Omaytura: 1 — decorated vessel dated to the second stage of the functioning of the defensive wall; 2 — fragment of a jar base from the ditch dated to the first stage of the functioning of the defensive wall.

Автор раскопок, основываясь на находках керамических сосудов и на первом, и втором этапах строительства и использования вала, приходит к следующим выводам: «Население Минусинской котловины, скорее всего, возводит крепость в наиболее удобном для защиты месте — в Саянском каньоне, опасаясь нападения хунну, в начале II в. до н. э. появляющихся в Туве. Во второй раз население кыргызского каганата укрепляет вал, вероятно, в середине VIII в. н. э. опасаясь продвижения уйгуров, хотя и не исключено, что это происходит несколько раньше и в какой-то мере связано с походами тюрок II каганата в начале VIII в. Видимо, именно с этим периодом функционирования крепости связано ее название Омайтура» (Длужневская, 1989. С. 97). Эти выводы без существенной корректировки повторяются в сравнительно недавнем издании, посвященном памятникам древности на дне Тувинского моря (Длужневская, Савинов, 2007. С. 113-118).

Ответ на вопрос об этнокультурном облике населения, возможно принимавшего участие в строительстве этой оборонительной конструкции на двух первых этапах ее сооружения, лежит на поверхности. Для начального, первого этапа строительства ключевую роль играет расположение рва, который, как правило, выкапывался перед стеной. Ров в «крепости» Омайтура располагался к северу от вала, и, следовательно, грунт из него выбрасывался к югу и впоследствии использовался при возведении стены. Именно северное расположение рва указывает на то, что он предназначался для защиты от потенциального северного противника, обитавшего в Минусинской котловине. Привлекает к себе внимание и то, что поддон керамического сосуда, найденный во рву (рис. 2, 2), находит параллели не только в керамике тесинской культуры в Минусинской котловине, но и в числе погребального инвентаря одного из хуннских погребений Иволгинского могильника в Забайкалье (Давыдова, 1996. С. 15, табл. 40, 4). Это косвенно подтверждает то, что сооружение вала могло быть инициировано и хунну, появившимися в Туве.

Что же касается второго этапа строительства, то, помимо явно уйгурского орнамента на сосуде, в пользу его сооружения с учетом северного направления

возможного появления противника говорит и реконструированный способ открывания и запирания ворот, обнаруженный нами в архиве (НА ИИМК РАН, ФО, отп. О. 3500-134). Ворота открывались и запирались изнутри, со стороны Саянского нагорья, свободный доступ к которому они и должны были в случае необходимости перекрывать.

Таким образом, несмотря на кажущуюся незначительность публикуемых материалов, они существенно дополняют и освещают картину исторических событий и их археологического контекста для сравнительно короткого временного промежутка от середины VIII в. до 40-х гг. IX в. н. э., когда, согласно свидетельствам письменных и эпиграфических источников, на территории Минусинской котловины, Саянского нагорья и Монголии не всегда мирно сосуществовали уйгурский и кыргызский каганаты. Среди важных итогов нового осмысления известных материалов можно перечислить следующие:

- 1. Орнамент в виде ∫-образных штрихов на порбажынском и омайтуринском сосудах может рассматриваться как культурно-хронологический индикатор. Основывается этот вывод, главным образом, на весьма кратких сроках строительства, ремонта и оставления Пор-Бажына вследствие неучтенной специфики природно-климатических факторов.
- 2. Короткий отрезок времени от начала строительства до оставления городища Пор-Бажын, зафиксированный в процессе раскопок, весьма убедительно согласуется со сведениями датированных рунических надписей.
- **3.** Результаты исследований оборонительной стены в Саянском каньоне позволяют утверждать, что граница между степными культурами Минусинской котло-

вины и культурами Саяно-Алтайского нагорья маркировалась, по крайней мере, дважды. Причем в обоих исторических периодах строительство предпринималось с целью отражения угроз противника с севера.

В заключение, следует отметить огромный вклад Г. В. Длужневской, без полевых изысканий и публикаций которой дальнейшее исследование затронутой темы было бы попросту невозможно.

Литература

Давыдова, 1996 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. СПб., 1996. Т. 2.

Длужневская, 1989 — Длужневская Г. В. Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980—1982 гг.) // КСИА. 1989. № 196.

Длужневская, Савинов, 2007— Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне тувинского моря. СПб., 2007.

Кляшторный, 1987 — Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бёгю кагана в северо-западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1987.

Кляшторный, 2012 — Кляшторный С. Г. Косар-куруг: Западная ставка уйгурских каганов и проблема идентификации Пор-Бажына // АЭАЕ. 2012. № 2 (50).

Кызласов, 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.

Худяков, Цевэндорж, 1982— Худяков Ю. С., Цевэндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Сб. статей / отв. ред. А. К. Конопацкий, Ю. С. Худяков. Новосибирск, 1982.

Arzhantseva et al., 2011 — Arzhantsva I., Inevatkina O., Zav´yalov V., Panin A., Modin I., Ruzanova S. and Härke H. Por-Bajin an Enigmatic site of the Uighurs in Southern Sibiria // The European Archaeologist. 2011. Is. 35.

В. А. Завьялов

От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)

Несмотря на кажущуюся незначительность публикуемых материалов, они существенно дополняют и освещают картину исторических событий и их археологического контекста для сравнительно короткого временного промежутка от середины VIII в. до 40-х гг. IX в. н. э., когда, согласно свидетельствам письменных и эпиграфических источников, на территории Минусинской котловины, Саянского нагорья и Монголии не всегда мирно сосуществовали уйгурский и кыргыз-

ский каганаты. Среди важных итогов нового осмысления известных материалов можно перечислить следующие:

- **1.** Орнамент в виде ∫-образных штрихов на порбажынском и омайтуринском сосудах может рассматриваться как культурно-хронологический индикатор.
- **2.** Короткий отрезок времени от начала строительства до оставления городища Пор-Бажын убедительно

согласуется со сведениями датированных рунических надписей.

3. Результаты исследований оборонительной стены в Саянском каньоне позволяют утверждать, что грани-

ца между степными культурами Минусинской котловины и культурами Саяно-Алтайского нагорья маркировалась, по крайней мере, дважды. Причем в обоих исторических периодах строительство предпринималось с целью отражения угроз противника с севера.

V. A. Zav'yalov

From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)

Notwithstanding the seeming insignificance of the materials here published they supplement and cover essentially the picture of historical events and their archaeological context over a relatively brief time span from the mid-8th century to the 840s AD when, according to the evidence of written and epigraphic sources, the Uigur and Kyrgyz khaganates coexisted, although not always peacefully, in the territory of the Minusinsk Basin, Sayan Upland and Mongolia. Among the important results of new analysis of the known evidence the following ones are notable:

1. Ornamentation in the form of \int -shaped strokes on Por-Bazhyn and Omaytura pottery can be considered as a cultural and chronological indication.

- **2.** The short time span from the beginning of construction to the abandoning of the fortified settlement of Por-Bazhyn shows a convincing accordance with the evidence of the dated runic inscriptions.
- **3.** The results of investigations of the defensive wall in the Sayan Canyon suggest that the boundary between the steppe cultures of the Minusinsk Basin and those of the Sayan-Altay upland was marked at least twice. Moreover, during the two historical periods both, the construction was undertaken with the purpose of repulsing the threats of an enemy from the north.